

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИКИ

УДК 371

В. Б. Помелов

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. К 350-ЛЕТИЮ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I

Аннотация. В 2022 г. исполняется 350 лет со дня рождения российского императора Петра I (1672–1725), деятельность которого оставила неизгладимый след в истории России. *Материалы и методы.* В статье используются исторический и биографический методы, аксиологический методологический подход, нацеленный на поиск ценностного содержания в деятельности исторического персонажа. В предлагаемой статье характеризуются реформаторские усилия Петра I в области просвещения, и дается биографический портрет одного из виднейших его соратников, – священника и просветителя Феофана Прокоповича (1681–1736). *Результаты.* Приводится материал о деятельности ряда учебных заведений, открытых в период петровских реформ, а также малоизвестные факты биографии Ф. Прокоповича. *Обсуждение.* Отмечаются заслуги указанных выше исторических деятелей в области просвещения русского народа в первой четверти XVIII в.; делается акцент на деятельности Прокоповича, ныне практически забытого просветителя. Показаны его дружеские и деловые связи с Лаврентием Горкой (1691–1737), видным просветителем эпохи Петра I и императрицы Анны Иоанновны. *Заключение.* Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения наследия выдающихся россиян – Петра I и Ф. Прокоповича.

Ключевые слова: Россия, XVIII в., просвещение, Петр I, школа математических и навигацких наук, Феофан Прокопович, Лаврентий Горка.

Pomelov V.B.

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN EDUCATION IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY ON THE 350TH ANNIVERSARY OF EMPEROR PETER I

Introduction. 2022 marks the 350th anniversary of the birth of the Russian Emperor Peter I (1672–1725), whose activities have left an indelible mark in the history of Russia. *Materials and methods.* The article uses historical and biographical methods, an axiological methodological approach aimed at finding value content in the activities of a historical character. The proposed article characterizes the reform efforts of Peter

I in the field of education, and gives a biographical portrait of one of his most prominent associates, the priest and educator Feofan Prokopovich (1681–1736). *Results.* The article provides material on the activities of a number of educational institutions opened during the period of Peter's reforms, as well as little-known facts of Feofan Prokopovich's biography. *Discussion.* The merits of the above-mentioned historical figures in the field of education of the Russian people in the first quarter of the XVIII century are noted; at the same time, the emphasis is on the activities of Prokopovich, now almost forgotten educator. His friendly and business ties with Lavrenty Gorka (1691–1737), a prominent educator of the era of Peter I and Empress Anna Ioannovna, are shown. *Conclusion.* The conclusion is made about the need for further study of the heritage of outstanding Russians – Peter I and F. Prokopovich.

Keywords: Russia, XVIII century, enlightenment, Peter I, school of Mathematical and Navigation Sciences, Feofan Prokopovich, Lavrenty Gorka.

Введение. Первая четверть XVIII века стала переломным периодом в истории отечественной школы и педагогической мысли. Россия переживала период осуществления крупных реформ в воспитании и образовании, которые были вызваны важными социально-экономическими факторами: усиливавшимся политическим и экономическим лидерством дворянства, укреплением позиций купечества и возникновением нового для страны сословия – промышленников, складыванием режима абсолютизма, трансформацией чиновничьего аппарата, созданием новой армии, а самое главное, – сменой социально-политических и духовных приоритетов, которые были выдвинуты выдающимся деятелем России XVIII в. – Петром Великим.

Петровская эпоха в российском образовании всегда привлекала внимание отечественных историков педагогики [Балыхина; Веселаго; Владимирский-Буданов; Пекарский; Рождественский; Толстой, 1883, с. 21]. Особую актуальность теме исто-

рии российского образования в первой четверти XVIII придает 350-летний юбилей самого Петра I.

Материалы и методы. Автором используются исторический и биографический методы, аксиологический методологический подход, позволяющий выделить ценностное содержание в деятельности исторического персонажа. Предлагаемая статья структурно состоит из двух частей: в первой части предпринимается попытка охарактеризовать некоторые реформаторские начинания Петра I в области образования, во второй части дается подробный биографический портрет Феофана Прокоповича, одного из его ближайших соратников в деле организации школьного дела.

Результаты. В начале рассматриваемого периода стал постепенно изменяться умственный настрой общества. Начался переход от сословного общества к гражданскому обществу. Поэтому образование стало рассматриваться наиболее дальновидными людьми, – причем не только дворянами, но и некоторыми

простолюдинами, – как один из основных путей социального продвижения. Появилось даже новое для того времени понятие, – карьера. В одном из указов Петра I подчеркивалось, что обделенные богатством дворяне должны искать хлеба своего службой, торгами, *учением*.

К концу XVII в. Россия, в отличие от Запада, еще не располагала системой регулярных учебных заведений. В самом начале XVIII в. страна постепенно переходит от иррегулярного к регулярному обучению, осуществляется поворот к школе и педагогике Нового времени. Нововведения приживались весьма болезненно. Проходила ломка прежних, порой даже некоторых позитивных традиций. Петровские реформы были порой противоречивыми, но объективно они вели страну к социальному, экономическому и культурному прогрессу в духе европейской цивилизации.

Образование, которое получил сам Петр I в раннем детстве, казалось, не предрасполагало к формированию у него качеств будущего реформатора; оно было сугубо традиционным для малолетних русских царевичей. Выбор учителя для юного Петра Алексеевича был сделан убежденным старовером, сторонником благочестивой старины, боярином Федором Прокофьевичем Соковниным. Первым учителем Петра стал приказный подьячий Никита Моисеевич Зотов, начавший 12 марта 1677 г. обучать царевича грамоте, азбуке, русской истории, а также чтению Часослова, Псалтыри, Евангелия и «Апостола».

Выдающиеся русские историки XIX века в своих трудах достаточно обстоятельно рассказывали об этом важном периоде в жизни будущего императора. «Царевича начали учить грамоте, призвали по обычаю дьяка, умевшего хорошо читать и писать», писал С. М. Соловьев [Соловьев, 2012, с. 491]. «Петр учился быстро читать и писать, выказывая необычайную понятливость», отмечал Н. И. Костомаров [Костомаров, 2010, с. 810]. «Всё пройденное по древнерусскому педагогическому правилу взято было назубок», добавляет В. О. Ключевский [Ключевский, 2009, с. 751]. Специально для Петра была переведена и издана с красочно вручную раскрашенными картинками книга Я. А. Коменского «Мир чувственных вещей в картинках», получившая в России новое название, – «Зрелища вселенные» [Коменский, 1982, с. 470]. С 1683 г. начинается иная выучка Петра I. Под руководством иностранцев он учится математике, артиллерии, геометрии, фортификации, баллистике, кораблестроению; овладевает немецким и голландским языками.

В начале XVIII в. в России впервые появляются открывавшиеся и содержавшиеся государством гражданские школы различных типов. Учреждение школ было важной составной частью петровских преобразований. Эти школы отличались практической направленностью, и, в то же время, не были узкопрофессиональными. В них не только готовили моряков, строителей, писарей и т. п., но и давали общее образование (родной язык, иностранные языки, арифметика, философия, политика).

Школы создавались, главным образом, для дворянских детей («для знатных особо детей»), но сословный принцип нередко нарушался в силу того, что порой заявляли о себе талантливые дети из других сословий.

Знаменитый немецкий философ Г. В. Лейбниц (1646–1716) представил Петру I свой проект образования для России. План Лейбница имел отчетливо практическую направленность; на первом месте стояли физико-математические науки). Г. В. Лейбниц в письмах к Петру I также рекомендовал учредить в России Академию наук. Он с досадой характеризовал германские, так называемые рыцарские, школы, в которых готовили лиц, которые со временем занимали «простые должности на церковной и государственной, гражданской и военной службе» [Медынский, 1938, с. 48]. В то же время, насущные потребности жизни требовали от учащихся развития рассудка и ума, «благодаря чему они могли бы употреблять простой и пропорциональный циркуль, угломер и весы и прочие полезные инструменты, орудия и рычаги, которые могли бы им служить для лучшего уяснения и использования их ремесла, а также и для изобретения полезных приемов», отмечал немецкий ученый [Медынский, 1938, с. 48].

Схоластическая школа, присутствующая западноевропейскому образованию, была фактически неизвестна в России, поэтому здесь не приходилось преодолевать сопротивление канонов «классического наследия», утверждавшихся за границей в течение столетий. Бороться приходилось, скорее, с многовековой традицией

отрицания необходимости образования как такового. Значительная часть российского общества, особенно в провинции, не видела смысла в его получении, а траты на устройство школ, – зряшным делом, особенно если их учредители именовали их латинскими, а не славянскими.

Тем не менее, прогрессивные тенденции в образовании постепенно брали верх. 14 января 1701 г. в Москве была открыта «Школа математических и навигацких наук, т. е. мореходных хитростно наук учению». Таково было официальное название школы, располагавшейся в Сухаревой башне.

Директором школы и преподавателем математики был назначен профессор Абердинского университета «Андрей Данилов сын Фарварсон». С ним из Шотландии приехали еще два преподавателя, специалисты по навигации – «Степан Гвын да рыцарь Грыз» [Хрестоматия, 1938, с. 90].

Учеников было предписано набирать «добровольно хотящих, иных же паче и с принуждением» [Антология, 1985, с. 10]. В учебную программу входили арифметика, геометрия, тригонометрия, навигация, астрономия, математическая география. Но прежде, как правило, недостаточно подготовленные учащиеся имели возможность пройти два начальных класса: «русскую школу» и «цифирную школу», и только затем они принимались за изучение «мореходных хитростей».

Возраст учащихся был от 12 до 20 лет. Комплект учащихся был определен в 500 учащихся. Определенного срока обучения в школе не

было. Учащиеся изучали последовательно одну науку за другой. Выпускали из школы по мере завершения подготовки или по запросам ведомств. Готовили в школе инженеров, моряков, артиллеристов, землемеров и служивых людей. Ученики получали кормовые деньги, – 3–5 алтын в день. (Алтын составлял три копейки). Жили школьники при школе или на наемных квартирах.

По указу от 1707 г. за «прогульные дни» («неты») учащимся грозил огромный штраф: за первый день – 5 рублей, за второй день – 10 рублей, за каждый последующий – 15 рублей. Штраф взыскивался с помощью *правежа*: виновного публично били до тех пор, пока за него не вносились деньги. У родителей, если они владели каким-либо имуществом, производили конфискацию. За побег из школы полагалась смертная казнь. Родственникам даже за ходатайство об освобождении их «дитяти» от школы грозила каторга.

Учебной работой в школе руководил Леонтий Филиппович Магницкий (1669–1739), автор первого русского учебника математики («Математика сиречь наука числительная»), выходец из простого народа [Денисов].

В 1715 г. старшие классы школы были переведены в Санкт-Петербург, где была образована Морская академия на 300 учащихся. Это было фактически первое в России военное учебное заведение. Учащиеся делились на 6 бригад по 50 человек в каждой. В программу обучения входили астрономия, навигация, морская съемка, артиллерийское дело,

фортификация, военный строй, география и др. Учащиеся на практике овладевали морским делом: их брали в качестве юнг в морские походы.

В 1712 г. в Москве были учреждены инженерная и артиллерийская школы. Комплект каждой из них был определен в 100–150 учащихся. В 1719 г. еще одна инженерная школа была открыта в новой столице. В 1707 г. в Москве при военном госпитале была создана хирургическая школа, рассчитанная на 50 учащихся и пять лет обучения.

С 1721 г. при сибирских заводах стали создавать горные училища, в которых готовили маркшейдеров, горных инженеров, землемеров. Таким образом, исследование уральских и сибирских богатств было с самого начала поставлено на научную основу.

В 1701–1703 гг. переводчику Посольского приказа Николаю Швиммеру было поручено обучать русских учеников шведскому, латинскому, немецкому и голландскому языкам. Но первый опыт открытия «разноязычной» школы оказался не очень успешным: в школе было всего шесть учеников. Поэтому они были переданы пленному пастору Эрнсту Глюку.

Для его школы были отведены палаты боярина Нарышкина в Москве, на Покровке, где была учреждена иноязычная, или разноязычная, школа. Здесь обучали греческому, латинскому, итальянскому, французскому и немецкому языкам. Причем готовили не только переводчиков (толмачей) для Посольского приказа, но и специалистов в области

математики, географии, этики, политики и даже картезианской философии.

В школе насчитывалось до 50 учеников; обучение было бесплатным, а учителями были исключительно иностранцы. Педагоги использовали «Мир чувственных вещей в картинках» Я. А. Коменского и другие пособия зарубежных авторов. Школа работала в 1705–1715 гг.

После закрытия школы Глюка единственным учебным заведением повышенного образования в Москве оказалась Славяно-греко-латинская академия, в которой в 1716 г. училось около 400 студентов.

Указами 1714 г. была введена обязательная учебная повинность для дворянских детей, дьяков и подьячих. Было положено начало созданию светских элементарных школ с математическим уклоном (цифирные школы).

Дворянским недорослям запрещалось жениться до тех пор, пока они не выучатся цифири. В качестве учителей в каждую губернию было послано по два выпускника Московской «навигацкой» школы и Морской академии.

В 1716 г. цифирные школы существовали в 12 городах, в 1722 г. – уже в 42 городах. Созданные как заведения для дворян и служилых людей, цифирные школы постепенно пришли в упадок. Многие дворяне не хотели посылать туда своих сыновей. Детей в школы порой забирали насильно.

Значительная часть потенциальных учеников из духовного сословия уходила в церковные архиерей-

ские школы. Деятельность архиерейских школ определялась «Духовным регламентом» (1721), который составил Феофан Прокопович. В этом документе, который современники оценили, как «гимн просвещению», излагалась новая программа школьного обучения. Предписывалось открывать учебные заведения для детей духовенства при домах архиереев. Их отличительной чертой было сочетание светской и религиозной программ. Обучали начаткам письма, чтению, арифметике, геометрии и, конечно, религии, поскольку в них готовили священнослужителей. В действительности, выпускники нередко занимали должности в светских учреждениях.

В «Духовном Регламенте» предусматривалось создание академий с семинариумами, – 8-летними средними духовными учебными заведениями. Семинариумы были закрытыми учебными заведениями: семинаристов не отпускали домой к родным в течение длительного времени. Семинариумы планировались как общеобразовательные гуманитарные заведения с широким кругом предметов обучения. В них царил дух суровой дисциплины; весь день был расписан по часам и всё делалось по звонку.

На каждую спальню (8–10 детей) назначался надзиратель, – префект. Младшие семинаристы по субботам регулярно получали розги, в том числе «впрок». Семинариумы не получили широкого распространения.

«Духовный регламент» предусматривал в процессе обучения ис-

пользование целесообразных дидактических приемов: ознакомление учащихся с общей характеристикой той или иной дисциплины в начале ее преподавания, установление межпредметных связей (например, истории и географии). В отличие от старорусского аскетического воспитания, для семинаристов предусматривались систематические «игры телодвижные», постановка «акций и комедий», музыка во время праздничных трапез.

В учебных заведениях того времени обучение шло на русском языке. Была усовершенствована русская азбука, был произведен переход на гражданский алфавит. Вводились современные учебники: «Букварь» Федора Поликарпова, книги Ф. Прокоповича «Юности честное зеркало» и «Первое учение отроком», «Арифметика» Л. Ф. Магницкого.

Характерная для Петра I и его сторонников политика принуждения особенно ярко сказалась в подготовке духовенства. В 1708 г. всем детям духовенства было предписано в обязательном порядке посещать школы. Если же они «в тех школах учиться не похотят, их в попы и в дьяконы на отцовы места никуда не помещать» [Медынский, 1938, с. 56.]. Вот только школ было крайне мало, и далеко не все даже желавшие учиться, могли их посещать. Тем не менее, в 1721 г. московскому духовенству был объявлен указ синода, который, в частности, гласил, что «ежели кто детей своих в школы для наук не объявит, или из оных их детей, которые сбежат, а отцы их будут у себя держать, и оные отцы каждый

от своей церкви отлучен будет и ни где служить допущен не будет» [Медынский, 1938, с. 56].

В 1722 г. синод даже был вынужден издать указ о переписи всех детей духовенства годных для школы; стали ежегодно проводиться смотры недорослей с последующим принудительным их размещением по школам. Примечательно, что, хотя сыновья священников и были обязаны посещать архиерейские школы, значительная часть духовного сословия избегала обучать в них своих детей, так как не принимала светской направленности программы обучения.

Архиерейские школы открывались медленно, прежде всего, потому, что они должны были содержаться на средства епархии, и поэтому епископу не хотелось расставаться с частью своих доходов на это хотя и богоугодное, но весьма затратное дело. К тому же, выученные в таких школах молодые люди становились прямыми конкурентами тех священников, которым было пора «на покой».

Общее число таких школ в 1721–1725 гг. не превышало 45. Они были открыты в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Великом Новгороде, Твери, Казани, Суздале, Холмогорах, Белгороде, Вологде, Иркутске, Хлынове (Вятке) и ряде других городов. Особенно хорошо была поставлена работа по открытию таких школ в Черниговской епархии.

Во второй четверти XVIII в., после смерти Петра I, реформирование образования замедлилось. Пришли в упадок цифирные школы, мор-

ская академия, инженерные и артиллерийские училища. Вместе с тем, расширилась сеть семинариумов: в 1764 г. их было 26 с 6 тысячами учеников.

Появились и учебные заведения нового типа. В 1725 г. в Петербурге был создан научно-просветительский центр – Академия наук. В ее состав входили университет и гимназия. Дворяне избегали посылать детей в бессловный университет, и с 1811 г. для них стали открывать лицей.

Начиная с 1697 г., был также введен обычай посылать за границу молодых дворян для обучения, прежде всего, корабельному и военному делу, но, к сожалению, из первого набора не вышло ни одного настоящего моряка.

Кратко скажем о некоторых видных деятелях просвещения петровской эпохи, которых принято называть представителями «ученой дружины» Петра I. Федор Степанович Салтыков (?–1715) предлагал в каждой губернии в монастырях учредить академии (фактически дворцовые школы) и женские школы.

Василий Никитич Татищев (1686–1750) выдвинул обширную программу образования, в том числе, женского, а также всеобщего начального образования крестьян. В сочинении «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» он пришел к следующим выводам: каждый должен познать себя; воспитание и обучение должны соответствовать возрасту человека; обучение должно быть светским; необходимо создание университетов и гимназий.

Иван Тихонович Посошков (1653–1726) изложил свои взгляды в трактате «Завещание отеческое». В этом труде уживались старорусский консерватизм (враждебность к иноземцам) и горячая поддержка реформ Петра I.

Одним из самых стойких сторонников Петра I проявил себя Феофан Прокопович. В городе Великий Новгород установлен грандиозный памятник Тысячелетия России, который представляет собой огромный колокол, по диаметру которого отображены наиболее видные деятели нашей страны за последнюю тысячу лет. Среди немногих увековеченных в памятнике выдающихся россиян, – Феофан Прокопович (1681–1736), священник и просветитель, деятельный участник школьных реформ, сторонник светского образования, европейских преобразований. Имя Феофана Прокоповича мало известно рядовому россиянину. Между тем, это человек, о котором следует помнить. В свое время он был одним из наиболее могущественных деятелей эпохи Петра Великого и Анны Иоанновны.

Изображение Ф. Прокоповича на памятнике Тысячелетия Руси в Великом Новгороде

Елеазар (Елиазар) Прокопович – проповедник, государственный деятель, педагог родился 8 (18) июня 1681 г. в Киеве, в семье мелкого торговца; по другим источникам он был внебрачным сыном купца. Фактически в детстве он был круглым сиротой. С помощью дяди – наместника Киевского братского монастыря и одновременно ректора Киево-Могилянской академии, которого звали Феофан Прокопович, в 1698 г. Елеазар окончил это лучшее в то время в России учебное заведение. Характер организации академии напоминал иезуитские коллегии в западных странах. Обучение происходило по установлениям средневековой западной схоластики.

Продолжить обучение в России по окончании этой академии было больше негде, ведь Киево-Могилянская академия считалось лучшим в стране учебным заведением. Поэтому он отправился в польское училище, где был принят в монахи под именем монаха Елисея и «свержен с православия», – для того, чтобы получить право учиться в католической коллегии ему пришлось перейти в католицизм. Митрополит Киевский и Галицкий Лев Любич-Заленский (1648–1708) разглядел в юноше большие способности, прежде всего необыкновенную память, литературный и ораторский дар, и направил его в Рим.

14 ноября 1698 г. список студентов иезуитской папской коллегии Святого Афанасия пополнился студентом Самуилом Церийским. Это и был Елеазар. Папская греческая коллегия, основанная в соответствии с буллой папы Григория XIII в 1577 г.,

была предназначена для обучения юношей в «латинской традиции», причем из тех стран, которые подверглись турецкому порабощению. Эта коллегия, существующая и поныне, как и прежде, готовит католических священников для славянских православных стран. В числе дисциплин, изучавшихся Самуилом, были риторика, философия, теология, медицина и т. д. Юноша проявил незаурядные способности и прилежание, и в качестве исключения ему разрешалось пользоваться книгами секретного фонда папской библиотеки. Кроме того, ему было разрешено посещать лекции в лучшем католическом учебном заведении того времени – Коллегиум Роман.

В октябре 1701 г. состоялась публичная защита диссертации Самуила Церийского. На защите присутствовал сам папа Климент XI. Диссертант проявил за годы обучения и во время защиты такие блестящие знания, что ученый совет, минуя степень магистра, сразу присвоил ему ученую степень доктора богословия. Прослушав в этой коллегии полный курс, защитив диссертацию, молодой ученый приобрел начитанность в богословских и философских сочинениях, а также в древне-классической литературе, защитил диссертацию и своими выдающимися дарованиями обратил на себя внимание папы, который пригласил его на почетную должность библиотекаря папской библиотеки. Однако к всеобщему недоумению он не пожелал остаться в Риме. В ночь на 28 октября 1701 г. Самуил покинул Рим и предпочел лестному предложению продолжение обучения в университетах

Литвы, Польши и Германии. С образовательной целью он также посетил ряд других стран Западной Европы.

В 1704 г. Феофан возвратился в Киев. Здесь, снова обратившись в православие («из веры подлыя католическия приять вновь веры православныя»), он, в благодарность к своему покойному дяде, принял его имя, – Феофан Прокопович, и под этим именем вошел в российскую историю.

С 1705 г. Ф. Прокопович стал преподавать в Киево-Могилянской духовной академии сначала пиитику, потом риторику, натурфилософию, физику, математику и богословие. По всем этим предметам Феофан составил руководства, замечательные для своего времени ясностью изложения и отсутствием схоластических приемов. Его произведения были изданы в СССР [Прокопович], а позднее на Украине и в России на русском и украинском языках [Прокопович]. Ф. Прокоповича можно считать первым значительным российским философом.

Феофан исполнял также обязанности преподавателя пиитики. Согласно тогдашним требованиям он сочинял драматические представления для школьной сцены. Так, он написал «трагедокомедию»: «Владимир» (1705), положившую начало «просветительной» трагедии в России. В ней Феофан отображал выдающееся событие в истории России – крещение киевлян князем Владимиром в Днепре в 988 г. Тем самым, он превозносил победу христианства над язычеством и высмеял жрецов, как поборников суеверия и невежества, выступил горячим защитником

просвещения и сторонником начатой уже Петром Великим решительной борьбы со старыми русскими предрассудками.

Однако со временем работа в академии все меньше удовлетворяла Феофана. Поначалу, будучи рядовым преподавателем, он был вынужден из года в год, в основном, воспроизводить образцы средневекового богословия, того богословия, от которого он бежал из Ватикана. То, что многие на его месте почитали бы за счастье, – должность, присвоенный сан архимандрита, – не удовлетворяли Феофана, человека совсем другого размаха. Киев, как некогда Рим, постепенно становилась для него своего рода интеллектуальной темницей.

27 июня (8 июля) 1709 г. грянул Полтавский бой. Спустя три недели Киев встречал победителей. Измученный Петр I едва выдерживает торжественную литургию в Софийском соборе. Он оживляется лишь тогда, когда слышит речь молодого священника, произносящего проповедь во славу русского оружия, повествующего о треуголке Петра, пробитой пулей. Пораженный яркостью речи Феофана Петр I дал ее автору распоряжение перевести проповедь на латинский язык. Проповедь («Панегирикос») Феофана была разослана европейским государям с той целью, чтобы те знали, что отныне в Европе появилась могучая держава. Так Феофан становится восторженным сторонником преобразовательных начинаний государя.

Однако еще за три года до этого события, 5 июня 1706 г. в Киево-Печерском монастыре Прокопович впервые предстал перед Петром

в роли проповедника; правда, тогда император был сильно занят военно-политическими проблемами, и этот эпизод не имел каких-либо последствий.

В декабре 1709 г. Феофан произнес в церкви Братского монастыря перед Александром Даниловичем Меншиковым речь, в которой просил царского любимца о покровительстве академии. По-видимому, по настоянию Меншикова в 1711 г. Феофан был вызван в царский лагерь в Молдавии во время турецкого похода, а по возвращении оттуда назначен игуменом Братского монастыря, ректором Киево-Могилянской академии и профессором богословия. Он продолжил здесь свою преподавательскую деятельность, издал ряд популярных «разсуждений», диалогов и проповедей по различным богословским вопросам. Все эти сочинения отличаются живым и остроумным изложением и стремлением к критическому анализу.

Феофан выступил противником всего католического в науке и жизни и поклонником новой европейской науки, созданной Фрэнсисом Бэконом и Рене Декартом. Он решительно выступил с резким, принципиальным отрицанием всякого авторитета духовенства как учительского сословия, требуя свободного, критического отношения ко всем научным и жизненным вопросам.

Феофан опровергал существовавшую тогда и казавшуюся вечной теорию о первенстве духовной власти над светской и вообще о первенстве духовенства над всеми прочими общественными классами. С такими взглядами на значение и положение

духовенства в государстве Феофан, естественно, должен был сделаться сторонником сильной светской власти в ее стремлении к церковным и государственным реформам.

Петр Великий, узнав об образе мыслей Феофана, и убедившись в его выдающихся способностях, в 1715 г. вызвал его в столицу. У Феофана не было большого желания погружаться в мир дворцовых интриг; в письме к своему другу Якову Андреевичу Марковичу он писал, что употребит «все усилия, чтобы отклонить от себя эту честь и поскорее возвратиться» [Костомаров, 2010, с. 1017].

Феофан, как только мог, откладывал свой приезд в Санкт-Петербург: полтора года ссылался на болезнь и прибыл туда лишь осенью 1716 г. Здесь Феофан сначала выступил в качестве проповедника-публициста, выражаясь современным стилем, выполнял обязанности пресс-секретаря. Он разъяснял от имени царя действия его правительства, и доказывал необходимость петровских преобразований, а также высмеивал и сатирически обличал противников реформ Петра I. Из этих проповедей особенно замечательны «Слово о царском путешествии за границу» и «Слово о власти и чести царской» (1718), в которых Феофан стремился обосновать необходимость для России неограниченного самодержавия. При этом проповедник особенно непримиримо ополчался на тех богословов, которые полагали, что власть духовная выше светской. Постепенно он становится главным помощником Петра Великого в делах духовного управления.

Через его руки проходят, им составляются, или, по крайней мере, им редактируются важнейшие законодательные акты по делам церкви и просвещения.

Феофан пишет, по поручению царя, предисловия и толкования к переводам иностранных книг, учебники, богословские и политические трактаты и т. п. Так, Феофаном был составлен «Духовный регламент» (1721), написаны предисловие к «Морскому уставу» (1719) и «Слово похвальное о флоте российском», краткое руководство для проповедников, «Объявление о монашестве» (1724), «Рассуждение о браках с иноверцами», трактаты о патриаршестве, о крещении и о расколе, а также подробный комментарий к «Уставу о престолонаследии» под заглавием: «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей» и многое другое [Антология, 1985, с. 42–53].

Феофан Прокопович составил «родословную таблицу» российских государей, которая была направлена Петру I; в дальнейшем она была напечатана отдельным листом с «лицевыми изображениями».

В 1717 г. последовали петровские реформы государственного переустройства: устаревшие приказы были заменены коллегиями. Были организованы юстиц-коллегия, адмиралтейская и другие коллегии. При этом при голосовании по спорным вопросам президент коллегии имел 2 голоса, остальные могли голосовать против его выбора. Петр I ввел даже черные и белые шары для голосования. Разумеется, в условиях тотали-

тарного режима подобная «демократия» носила, во многом, надуманный характер.

Подобная коллегия была учреждена и для русской православной церкви, своего рода духовная коллегия, – Святейший Синод. Петр I объявил себя главой русской православной церкви, а Феофан, правда, не сразу, – стал вице-президентом Синода. Одновременно Феофан занимал должности епископа Псковского и Нарвского (с 2.06.1718 г.), архиепископа Новгородского (с 25.06.1725 г.). Занимая столь значительные должности, Феофан стремился проводить в жизнь идеи петровских реформ, особенно в области церкви и просвещения.

В 1721 г. Прокопович стал «первенствующим» членом Святейшего Синода, его вице-президентом. Учреждение Синода, ставшего, по существу, «коллекцией по делам религии», верховным органом церкви вместо упраздненного патриаршества, (восстановленного, кстати, уже в советские времена), поставило церковь в подчиненное по сравнению с самодержавием положение, и гарантировало последнему абсолютную власть; устраняло потенциальную возможность фактического двоевластия, как это имело место в истории ряда европейских государств.

В то время, как представители великорусской церковной партии и старшие иерархи из киевских ученых, руководителем которых был Стефан Яворский (некоторое время он занимал пост президента Святейшего Синода, хотя его нельзя было назвать последовательным сторонником императора), в своих воззрениях

об отношениях светской и духовной властей, а также и в некоторых богословских вопросах, всё больше склонялись к католическому учению, Прокопович непреклонно стоял на точке зрения близкой к убеждениям протестантских богословов, среди которых он имел немало друзей и почитателей.

Феофан обладал ясным логическим умом, огромной эрудицией и язвительным остроумием, и в полемике был очень опасным противником. Его политические убеждения, основой которых была теория так называемая «просвещенного деспотизма», всецело разделялись государем. Кроме того, императора не могла не привлекать преданность ему Ф. Прокоповича, его хитрость и беспринципность, которые он пускал в дело тогда, когда это было необходимо для достижения каких-либо целей. Чего стоила только неоднократная смена веры, – событие для того времени просто экстраординарное! А ведь Феофан был не простым верующим, а иерархом русской православной церкви!

В одной из проповедей («Слово о власти и чести царской») он делал явные намеки на московских священников, укорявших Петра I за разгульную жизнь и проповедовавших самостоятельность духовенства, то есть выражавших недовольство введением императором Святейшего Синода. «Есть люди, – писал Ф. Прокопович, – которым кажется все грешным и скверным, что только чудно, весело, велико и славно; они самого счастья не любят; кого увидят здорового и хорошо живущего, тот у них не свят; хотели бы они, чтобы все

люди были злообразны, горбаты, темны, неблагополучны... Многие думают, что не все люди обязаны одинаким долгом, что священники и монахи от этого исключаются, – вот поистине змеиное жало, папешский дух, не знаю каким путем достигший и коснувшийся нас!» [Пекарский, 1862, с. 1019].

Такие рассуждения пришлись по душе Петру I. Но для современного исследователя они являются, скорее, не внешним отражением закулисной политической борьбы и грозным предупреждением противникам петровского курса, а одним из первых проявлений российской педагогической мысли гуманистической направленности. Неудивительно, что в 1722 г. Феофан получил поручение Петра I составить его биографию; напечатана она была много позже, лишь при Екатерине II.

Ф. Прокопович выдвинул получившую широкое признание и вплоть до настоящего времени сохраняющую свою злободневность и актуальность идею о триедином русском народе. Эта идея стала основой концепции, основанной на представлении о русском народе как совокупности жителей исторической Руси, – великороссов, малороссов и белорусов, которые считаются ветвями одного народа. При дворе многочисленные враги Феофана не имели возможности ему вредить. Однако после смерти Петра Великого обстоятельства круто изменились. Староцерковная партия подняла голову и направила свои удары против Прокоповича. Ему пришлось выдержать ожесточенную и опасную борьбу, отра-

жая обвинения уже не столько богословского, сколько политического характера.

Эта борьба могла бы закончиться для него неблагоприятно, если бы ему не удалось искусно воспользоваться обстоятельствами вступления на престол императрицы Анны Иоанновны (1730–1740), и стать во главе той партии «среднего чина людей», которые разрушили замыслы «верховников» подачей государыне челобитной о восстановлении самодержавия. Следует добавить, что Феофан сыграл едва ли не решающую роль в том, что после смерти Петра I его жена Марта Скаронская стала императрицей Екатериной I (1725–1727).

Благодаря своему деятельному участию в этих событиях, Феофан приобрел прочное положение при дворе и в Святейшем Синоде, и обрушивался на своих старых врагов, полемик с которыми на этот раз повел уже не столько в литературе, сколько в застенках тайной канцелярии.

В. С. Пикуль в романе-хронике «Слово и дело» дает во многом противоречивую характеристику. Он показывает Феофана поборником просвещения. Приведем цитату из книги: «А с просвещением-то каково, матушка, станется? – Будет, владыка. Всем будет просвещение, – обещала Анна. – Засветимся мы тобой разумом... Погоди вот только малость: дай время злодеев всех извести со свету!» [Пикуль, 1991, с. 230]. Однако в этом же произведении писатель характеризует Ф. Прокоповича и совсем по-другому: «Звериноподобнейший «Духовный регламент» изобрел,

в коем способы указал – каково противников церкви живьем сжигать, а жилища их разорять. Инквизицию Феофан создал при Синоде такую, что округ него на версту жареной человечины пахло. Кто противился – того на дыбу! Хорошо людей жрать и монахами закусывать» [Пикуль, 1991, с. 117].

В. С. Пикуль отмечает, что «во славу Христа» Феофан «истреблял при Анне толпы ни в чем не повинных людей, и после этого вошел в школьные хрестоматии как «просветитель» [Пикуль, 1991, с. 585]. «Поменьше бы на Руси таких «просветителей», у которых в одной руке вирши духовные о любви к ближнему, а в другой – плетка-семихвостка», – заключает писатель-историк [Пикуль, 1991, с. 218]. Давая столь противоречивую характеристику одному из виднейших исторических деятелей России первой половины XVIII в., В. С. Пикуль, однако, не приводит в своем романе примеров «лютости Феофановой».

Обсуждение. Несомненно, Петр I и Феофан Прокопович были действительно во многом противоречивыми личностями, людьми, которые безжалостно расправлялись со своими политическими и церковными противниками. Но при оценке таких выдающихся деятелей, как Петр I и Ф. Прокопович, необходимо принимать во внимание социальные отношения, нравы, традиции и установившиеся порядки того времени, когда жестокие расправы были чуть ли не обыденным явлением при разрешении социальных, религиозных и иных конфликтов; когда, например,

всего лишь за побег школяра из училища тому полагалась смертная казнь.

Поэтому нельзя не признать, что Феофан был вполне типичным руководителем своего времени. В свою очередь, Петр I, силой своего огромного авторитета, был тем самым героем, который свергал в России, в том числе в сфере образования, устаревшие порядки и установления, и вводил другие, казавшиеся ему прогрессивными, и соответствовавшими насущным требованиям нового века.

С течением времени Прокопович, горячий защитник петровских реформ, действовавший во имя интересов просвещения, в котором он видел единственный залог блага России, теперь, при изменившихся условиях русской жизни, т. е. после смерти Петра I, хотя и старался ограждать результаты петровских реформ от посягательств надвигавшейся реакции, но по существу своей роли официального проповедника-публициста фактически превратился из деятеля прогрессивного в строгого консерватора, стал, в итоге, адептом прежней, *петровской* эпохи, оправдывавшим существующий порядок даже в тех случаях, когда его высказывания и деяния противоречили его собственным прежним идеалам. Впрочем, и в эту тяжелую для него пору Феофан все-таки оставался человеком, высоко ценившим и, по возможности, отстаивавшим науку и просвещение. Он остался верным сторонником Петра I даже тогда, когда того уже не было.

В своих произведениях позднейшего периода Прокопович выступал как представитель критическо-

обличительного направления. Исходя из понятий современного ему научного рационализма и протестантской теологии, он отрицательно относился к старым, *допетровским* формам российской церковной и общественной жизни, которые считал особенно благоприятствующими процветанию невежества или показной псевдоучености, ханжества и суеверия. Он неоднократно высказывал мысль о том, что нет у России другого пути кроме как пути просвещения.

Во имя прославлявшегося им идеала просвещенного человека и сильного своим просвещением государства, Прокопович сатирически изображал современную ему русскую жизнь, и в этом смысле может быть назван первым сатириком, первым представителем того направления, к которому впоследствии примкнули лучшие литературные силы России того времени.

В частности, значительным было его влияние на Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708–1744), сатиры которого нередко являются только парафразом проповедей Феофана. Феофан любил цитировать Кантемира: «В невежестве гораздо боле хлеба жали. Переняв чужой язык, свой хлеб растеряли...».

Чрезвычайно сильным было его влияние на Василия Никитича Татищева, взгляды которого на русскую историю и современность вырабатывались, можно сказать, в школе Феофана, точнее сказать в его «ученой дружине», куда входили Татищев, Кантемир, Я. В. Брюс («Брюсов календарь») и другие прогрессивные мыслители того времени.

Феофан способствовал развитию школьного дела, требовал отчета от епископов об открытии в их епархиях школ. Будучи почитателем Ф. Бэкона и Р. Декарта, он содействовал распространению научных знаний через печатание светских книг. При Александро-Невском монастыре в Санкт-Петербурге он основал типографию (1720), в которой помимо богослужебных книг печаталась и учебная литература.

В 1721 г. он учредил «словенскую» школу (чтение, письмо, арифметика, грамматика, псалтирь, толкование Евангелия). Его личная библиотека, насчитывавшая 30 тысяч томов, была самой крупной в России. В своих проектах он использовал зарубежный опыт школ иезуитов. В книге-букваре «Первое учение отроком» Прокопович давал педагогические рекомендации и советы родителям и учителям («каков кто отрок есть, таков и муж будет»).

Ф. Прокопович вовсе не был бессеребренником. Он имел обширные поместья, мызу между Санкт-Петербургом и Ораниенбаумом, 16 тысяч крепостных крестьян. В то же время, он показывал пример другим священникам, открыв в своем доме школу (1721), предназначенную для сирот и бедняков. Прокоповичем эта школа задумывалась как образцовая. В ней преподавались церковно-славянский, латинский и греческий языки, риторика, логика, «римские древности», арифметика, геометрия, география, история, рисование, музыка. В школе был свой театр. Для школы была разработана инструкция, представлявшая собой первые в истории российской школы правила

для учащихся и учащих. В ней был определен порядок учебных занятий и отдыха, давались наставления о поведении учеников в школе, в общечитии и церкви. Школа просуществовала до самой смерти Феофана, пятнадцать лет. Ее окончили 160 человек, среди которых были будущие академики С. К. Котельников, А. П. Протасов, Г. Н. Теплов, кстати, внебрачный сын Феофана.

Ф. Прокопович был автором многочисленных пособий для школ. В «Духовном регламенте» (1721г.) он обосновал систему духовного образования: высшего (академии), среднего (семинарии) и низшего (архиерейские школы), дал методические рекомендации по организации занятий и досуга учащихся в этих школах. Преосвященный Феофан возражал против поспешного открытия Академии наук. Он предлагал предварительно открыть учебное заведение, так называемый «Петер-гартен», то есть «сад Петра», для обучения будущих академиков. В период организации академии Феофан был в числе ее покровителей, участвовал в наборе учеников в академическую гимназию, которая фактически и стала тем самым «садом Петра».

Прокопович внес определенный вклад в разработку методических идей. Так, он придавал большое значение мотивации обучения; он указывал на необходимость разъяснения ученикам результатов изучения школьных дисциплин, чтобы они «видели берег, к которому плывут». В предисловии к своей главной педагогической работе «Букварь, или Первое учение отроком с Катехизисом» он обосновал важность раннего

воспитания детей. Методическим новшеством для того времени стали изложение материала «просторечием», замена текстов псалмов и молитв их толкованием.

В 1720–1724 гг. вышли 12 изданий «Букваря...», который использовался не только в церковных, но и в светских школах. О ценности и качестве этого учебного пособия говорит уже тот факт, что он издавался вплоть до середины XIX в.

Ф. Прокопович оказывал помощь местным деятелям просвещения, в частности, епископу Вятскому и Слободскому Лаврентию Горке (1671–1737), с которым они вместе учились и работали в Киево-Могиланской духовной академии. Хотя Горка был старше Прокоповича на 10 лет, он, тем не менее, смотрел на своего друга, сделавшего блестящую карьеру, «снизу-вверх», смиренно называя себя «братом во-вторых Феофана Прокоповича» [Помелов, 2009, с. 80].

В своем стремлении преодолеть сопротивление местных противников просвещения Горка неоднократно обращался за помощью в Святейший Синод.

В последний раз такое обращение имело место в сентябре 1736 г. Тогда Горка «завлек» в школу сына богатого хлыновского купца Михаила Злыгостева с целью, как объяснял епископ, заинтересовать мальчика учебой. Однако его отец подал жалобу в провинциальную канцелярию. Сотрудники канцелярии арестовали келейников и подьячих Горки, некоторых его служителей и даже школьников, а подьячие и «розсыльщики» воеводской канцелярии и до

сотни посадских жителей с палками и камнями в руках напали на архиерейский дом.

Подробности этого нападения отражены в челобитной Л. Горки, поданной на имя императрицы Анны Иоанновны. В ней он писал: «По имянным Вашего императорского величества 1731 г. указом, велено при домах архиерейских иметь школы и набирать детей и учить их. А которые в учении быть не похотят, тех иметь в школы и неволею». Посадского Михайлы Злыгостева сын, взят в школу и был два дни, и при нем человек всегда был; пища вся от стола нашего и подарки от нас были, который и возвращен в дом свой без всякого озлобления. Но по злобе ево, Злыгостева, по поданной от него в воеводскую канцелярию челобитной, дому нашего келейников и стихарных подьяков и учеников и служителей в тое воеводскую канцелярию похватили; некоторые и поныне под караулом держатся, и тож канцелярии подьячии, и розсыльщики, и посадские человек со сто и больши на дом архиерейский, в котором и школы имеются, с дубинами, с палками и с кирпичем нападали, и школы разоряли, и в дом архиерейский, и избу кирпичем бросали, и в ворота необычно ломились, что те ворота были от них и досками подперты. И мое смирение в доме архиерейском, яко в осаде доселе содержусь, и нельзя из дому архиерейскому никому вон выйти. Понеже из оной канцелярии дому нашего учителей и слушателей хватать различно похваляются; а некоторых служителей содержат в той канцелярии другую неделю. Подлин-

ную челобитную писал дому архиерейского за секретаря Илья Протопопов. Сентября 23 дня 1736 года» [Никитников, 1863, с. 193–194].

Это нападение глубоко оскорбило Горку. Но державный друг уже не мог ему помочь. Феофан умер 8 (19) сентября 1736 г. в г. Санкт-Петербурге на Карповском подворье на Аптекарском острове. Его последние слова были: «О голову, голова! Разума упившись, куда себя приклонишь?» [Помелов, 2012, с. 280].

18 сентября погребальное судно с черными парусами доставило залитый воском гроб с телом Феофана в Великий Новгород, где в Софийском соборе состоялась панихида. Здесь же, на паперти он был похоронен. Двести лет спустя его могила Феофана была вскрыта, и где теперь находятся останки Феофана, — неизвестно.

Творческое наследие Прокоповича неизменно вызывало неизменный интерес исследователей. Его сочинения на латинском языке были изданы в XVIII веке в гг. Кенигсберге и Лейпциге. Некоторые произведения переводились на русский язык. Значительная их часть была издана в трех томах под названием «Слова и Речи» в Санкт-Петербурге в 1765 г.

Заключение. Реформы Петра I оказали революционизирующее воздействие на все стороны жизни российского общества, в том числе на сферу просвещения. Тенденцией петровской эпохи была подготовка не только узкого специалиста, достигавшего определенного уровня в своем мастерстве, но в нем одном, как правило, и замыкавшегося. Первые российские профессиональные школы

ставили перед собой задачу готовить в своих стенах мастера на все руки, способного самостоятельно взяться за новое, непривычное дело.

Посредством открытия учреждений образования Петр I стремился преодолеть все возраставшую потребность в необходимых государству специалистов. Поэтому школы имели ярко выраженный реальный, профессиональный характер. Возникновение в петровскую эпоху новых типов школ заложило основу для создания национальной системы образования.

Петровская реформа в области образования вызывала не только одобрение со стороны общества, но порой глухое, а нередко и явное недовольство, которое жестко подавлялось. Петровская эпоха выдвинула на общественную авансцену таких видных деятелей просвещения, как Ф. Прокопович, И. Т. Посошков и др. Велики заслуги Феофана Прокоповича в деле развития просвещения в России, которое он рассматривал как необходимое условие процветания государства и благосостояния граждан. Главную роль в распространении образования он отводил государственной власти. Выступал за широкое распространение грамотности среди населения, в том числе среди крестьян, за право женщин на образование.

Список литературы

1. Антология педагогической мысли России XVIII в. / Сост. И. А. Соловков. — Москва. — Педагогика. — 1985. — 480 с. — Текст : непосредственный.

2. Балыхина, Т. М. Просветительская педагогика и образовательно-воспитательные проблемы русского просвещения в XVIII веке / Т. М. Балыхина, Н. М. Румянцева. – Текст : непосредственный. – Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». – 2007. – № 2. – С. 7–14.
3. Веселаго, Ф. Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет / Ф. Ф. Веселаго. – Санкт-Петербург. – Типография Морского кадетского корпуса. – 1852. – 208 с. – Текст : непосредственный.
4. Владимирский-Буданов, М. Ф. Государство и народное образование в России с XVIII века до учреждения министерств / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Санкт-Петербург. – 1874. – 142 с. – Текст : непосредственный.
5. Денисов, А. П. Леонтий Филиппович Магницкий / А. П. Денисов. – Москва. – Просвещение. – 1967. – 144 с. – Текст : непосредственный.
6. Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – АЛЬФА-КНИГА. – Москва. – 2009. – 1197 с. – Текст : непосредственный.
7. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / Я. А. Коменский. – Т. 2. – Москва. – Педагогика. – 1982. – 576 с. – Текст : непосредственный.
8. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – АЛЬФА-КНИГА. – Москва. – 2010. – 1260 с. – Текст : непосредственный.
9. Медынский, Е. Н. История русской педагогики / Е. Н. Медынский. – Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР. – Москва. – 1938. – 512 с. – Текст : непосредственный.
10. Никитников, Г. А. Иерархия Вятской епархии / Г. А. Никитников. – Вятка. – 1863. – 214 с. – Текст : непосредственный.
11. Пекарский, П. П. Наука и литература при Петре Великом : в 2 т. / П. П. Пекарский. – Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. – Типография Товарищества «Общественная польза». – Санкт-Петербург. – 1862. – 596 с. – Текст : непосредственный.
12. Пикуль, В. С. Слово и дело : в 2 т. / В. С. Пикуль. – Москва. – 1991. – Т. 1. – 430 с. – Текст : непосредственный.
13. Помелов, В. Б. Вятский просветитель Лаврентий Горка / В. Б. Помелов. – Педагогика. – 2009. – № 2. – С. 75–83. – Текст : непосредственный.
14. Помелов, В. Б. Феофан Прокопович как просветитель и человек / В. Б. Помелов. – Роль библиотеки в формировании информационной и культурной среды региона : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции / ред. колл. : С. Н. Будашкина. – Киров. – Издательский Дом «Герценка». – 2012. – С. 271–280. – Текст : непосредственный.
15. Прокопович, Ф. Избранные труды / Ф. Прокопович. – Москва. – РОССПЭН. – 2010. – 623 с. – Текст : непосредственный.
16. Прокопович, Ф. Философские сочинения (Філософські твори :

на украинском языке) : в 3-х томах. / Ф. Прокопович. – Киев. – Наукова думка. – 1979. – Текст : непосредственный.

17. Прокопович, Ф. Сочинения / Ф. Прокопович. – Москва : Ленинград. – Изд-во АН СССР. – 1961. – 520 с. – Текст : непосредственный.

18. Рождественский, С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX веках : Т. I / С. В. Рождественский. – Санкт-Петербург : тип. М. А. Александрова. – 1912. – 680 с. – Текст : непосредственный.

19. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев. – ЭКСМО. – Москва. –

2012. – 1024 с. – Текст : непосредственный.

20. Толстой, Д. А. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. / Д. А. Толстой. – Санкт-Петербург. – 1883. – 280 с. – Текст : непосредственный.

21. Хрестоматия по истории педагогики : в 4 т. – Т. 4. Ч. 1 История русской педагогики с древнейших времен до Великой Социалистической Революции. – Сост. Н. А. Желваков. – Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР. – Москва. – 1938. – 548 с. – Текст : непосредственный.